

Нила Кинд

Балъше, гел любовъ

18+

Нила Кинд

Больше, чем любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62994606

SelfPub; 2021

Аннотация

История любви, ревности и страсти... Главный герой – бывший артист балета, премьер театра, вынужденный после серьёзной травмы оставить сцену. Он нашёл себя в журналистике, пишет статьи о балете, о том, что ему близко. Однажды он знакомится с девушкой, которая становится его большой любовью. Но годы семейного счастья оказываются перечёркнутыми из-за нелепых подозрений. Два любовных треугольника и в точках их пересечения – любящие и страдающие сердца, а ещё... балет и прыжок, который, как думал герой, был его последним тринадцать лет назад, однако жизнь распорядится по-другому...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Нила Кинд

Больше, чем любовь

Глава 1

Марина вышла на открытую веранду, чтобы разговору не мешал шум кафе и звуки живого джаза, хотя они пробились и сюда. Долго считала гудки. Нажала на вызов ещё раз. Наконец услышала: «Да, зайчонок...» Вот только голос прозвучал не только в телефоне. Она медленно повернулась. Встретилась с ним глазами.

– Можно ли понимать отсутствие обручального кольца на вашей руке как знак того, что вы любите балет так же сильно, как люблю его я?.. – после паузы, в течение которой они молча смотрели друг на друга, с усмешкой спросил он. С этого вопроса десять лет назад начиналась их любовь. Правда, тогда в его тоне не звучала насмешка...

*

– Можно ли понимать отсутствие обручального кольца на вашей руке как знак того, что вы любите балет так же сильно, как люблю его я?..

Весёлый голос вырвал её из задумчивости. Марина подняла глаза на парня, остановившегося перед ней. Вопрос показался ей забавным. Она улыбнулась.

– Не очень поняла, как связано одно с другим, – призналась она уже несколько смущённо, потому что успела разглядеть его внешность. Парень был высокий, с фигурой, выдававшей многолетние занятия спортом, густыми чёрными волосами и глазами цвета морской волны. В том смысле, что они так же легко меняли свой оттенок. Высокий лоб, прямой нос, красиво очерченные губы. В общем, красавец, непонятно зачем заговоривший с ней. У Марины не было комплексов по поводу того, чем наградила её природа, но красоткой она себя не считала. Симпатичной – да. Возможно, обаятельной, потому что никогда не страдала от недостатка внимания противоположного пола. Правда, всегда относилась к нему насчёт своего чувства юмора. С ней было нескучно. Почему-то по абсолютно любому поводу в её голове находились остроумные замечания. Что же касалось «углублённых» отношений, то вот тут возникала проблема. Сколько Марина себя помнила, она всегда была влюблена. Пожалуй, с детского сада. Ей было необходимо как воздух, чтобы там, куда она шла, был тот, кто был бы ей небезразличен. Иначе какой смысл туда идти. Но, как она поняла со временем, ей нравилось именно состояние влюблённости, желательно безответной. Потому что «ответ», который, как правило, наступал очень быстро, предполагал уже совсем другие отношения, а вот к ним она никогда не была готова.

– Ну как же. Вы стоите перед театром оперы и балета с задумчивым видом вот уже минут десять. В афише сегодня

значится именно балет. Мне бы хотелось думать, что вы ждёте подружку, но вы так красивы, что с этой мыслью я расстался практически сразу. Так же как и с той, что вы до сих пор не скованы обязательствами. Пришёл к выводу, что из-за желания посмотреть балет вы поссорились с мужем, который равнодушен к этому виду искусства. В порыве обиды сняли кольцо.

– А вдруг я жду сердечного друга? – внимательно его выслушав, с любопытством спросила она.

– Тогда он проморгал своё счастье, – без промедления заявил парень всё с той же подкупающе весёлой интонацией.

– Почему? Может, он опаздывает по уважительной причине?

– Даже если и так, он всё равно уже опоздал. Я вас забиралаю.

– А как же муж, наличие которого вы предположили?

– Муж тоже сам виноват. Ему нужно было любить балет.

– А куда вы меня забираете? – в ней поселился смех, на душе стало легко и радостно. Особенно с учётом того, что ни на какой балет она не собиралась. Остановилась именно в этом месте совершенно случайно, только потому, что задумалась. Причём всё по тому же поводу, хотя она давно выросла не только из детсадовского и школьного, но даже студенческого возраста: очередная влюблённость вышла на другой уровень и ей опять нужно было искать выход, как с минимальными потерями и не слишком обижая того, в кого была влюблена,

вернуть отношения в безопасную дружескую колею.

– Как куда, на балет, конечно.

– А что сегодня дают?

– Разве это важно?

Марине действительно было неважно. Парень мгновенно вскружил ей голову. И как минимум один вечер, если он не позволит себе лишнего, она готова была провести в его обществе. А такая длинная и не лишённая остроумия преамбула была, скорее всего, связана с тем, что у него образовался лишний билет. Вероятно, его девушка не смогла прийти. И, более чем вероятно, по исключительно уважительной причине. Всё-таки парень был красавцем.

Её предположения насчёт лишнего билета оказались неверны. Парень вообще не показал на входе никаких билетов, только обменялся с женщиной-контролёром дружеским кивком.

– Хм, вы здесь завсегда? – удивилась Марина. Она, собственно, тоже любила балет. Но бывала в театре довольно редко. Раньше – по причине занятости учёбой, которой уделяла много времени, так как была добросовестной по своему характеру, сейчас – по причине работы. Она недавно начала преподавать на курсах иностранных языков и старалась недостаток опыта компенсировать тщательной подготовкой к занятиям, что отнимало всё свободное время.

– Есть такое дело, – весело кивнул он.

Он привёл её в ложу, располагавшуюся прямо около сце-

ны.

– К сожалению, отсюда будет видно не только красоту, но и адский труд, и пот, и стук пуантов. Сегодня будем смотреть классику, – опять улыбнулся он ей. – В современном балете пуанты уже не используют.

– А в чём же танцуют? – Марина всё больше удивлялась тому, что с ней происходит. Пожалуй, это было самое необычное её свидание.

– В мягких балетках или босиком.

Марину осенила догадка. Она искоса ещё раз оглядела фигуру своего нового знакомого.

– Я поняла, вы танцор!

– Правильно говорить – танцовщик, – поправил он её с ласковой усмешкой и, увидев её смущение, добавил: – Ничего страшного. Многие путают. Но... я не танцовщик. Был когда-то.

– А что случилось? Травма?

– Увы. Теперь о балете только пишу. Я в некотором роде критик, – разглядывая её лицо, сказал парень. – Вам так идёт быть взволнованной.

Марина почувствовала, что её щёки загорелись. Она действительно была взволнована. Вдруг осознала, что скоро погаснет свет и она останется с этим красавцем вдвоём в маленькой двухместной ложе. А даже имени его не знает.

– Почему «в некотором роде»? – пролепетала она почти в испуге.

– Потому что, когда сам танцевал, терпеть не мог критиков. Считал, что этим занимаются те, у кого не задалась карьера артиста, – не отводя от неё глаз и явно наслаждаясь её сконфуженным видом, ответил он.

Зал был уже полностью заполнен. Кажется, прозвенел и последний звонок. Марина поймала себя на мысли, что не слышала ни одного. Она перевела глаза на люстру. С детства обожала это таинство – когда огромное хрустальное великолепие начинало медленно и загадочно гаснуть. Парень проследил за её взглядом. Его губы опять тронула улыбка...

*

Улыбка... Сейчас на его губах была усмешка.

– Тебе не кажется наша ситуация трагикомичной? Супруги встретились там, где не ожидали, что их ложь раскроется... Ты ведь, кажется, вышла на замену заболевшей коллеги?

– А ты, кажется, должен быть дома с нашим сыном... – прошептала она, чувствуя, как сердце скачет в груди. Из-за этого он называл её зайчонком. При малейшем волнении её сердце начинало трепыхаться...

– С ним всё в порядке. Он у бабушки с дедом.

Они снова молча смотрели друг на друга.

– Домой поедем вместе или порознь? – наконец спросил он.

– Ты хотел сказать – в квартиру?.. – Марина вдруг ощутила страшную усталость. Напряжение последних месяцев вы-

лилось слезами, она быстро отвернулась, чтобы он не увидел их. Почувствовала на своих плечах его пиджак.

– Вернись внутрь, замёрзнешь...

Глава 2

...В тот раз давали «Корсара», романтическую и полную приключений историю любви предводителя пиратов Конрада и прекрасной юной гречанки Медоры. И Марина напрасно боялась темноты и такого близкого соседства незнакомца. Как только раздались первые звуки музыки, он повернулся лицом к сцене и словно забыл о том, что не один. Она не видела этот балет, а потому и сама заворожённо следила за ярким, волшебным действием. В какой-то момент поймала на себе его улыбающийся тёплый взгляд. Ответила тоже улыбкой, прошептала:

– Спасибо...

В антракте с искренним удовольствием повторила благодарность.

– Я рад, что не ошибся, и рад нашей встрече, – сказал он, опять разглядывая её лицо. Выражение его глаз было ей не до конца понятно. – Можно я приглашу вас в буфет? Вы наверняка голодны, поскольку ведь не думали, что так задержитесь.

– Уже догадались, что я оказалась возле театра случайно?

– Собственно, сразу догадался, это было несложно, – он улыбался. – Просто воспользовался антуражем для знакомства.

– Кстати, о знакомстве. Вы специально до сих пор не пред-

ставились и не спросили моего имени? Для этого у вас тоже есть особый ритуал?

– Нет никакого особого ритуала, просто забыл, верите? Так увлёкся идеей заманить вас в театр, – рассмеялся он. Смех у него был очень приятный, нежный, как будто оживала улыбка. – Ярослав.

– Марина.

– Очень вам идёт.

– Так же, как взволнованность? – вспомнилась ей его фраза.

Он опять рассмеялся.

– Да, так же. Так что насчёт буфета?

– Пожалуй.

В буфете его тоже хорошо знали, обслужили без очереди.

– Пойдёмте, у меня тут есть секретное уединённое место, где мы сможем удобно расположиться.

Место действительно было удобное – широкие мраморные перила горизонтального участка лестницы за толстой колонной. Он поставил поднос с тарелками и двумя бокалами шампанского и легко подсадил её, Марина даже не успела среагировать. Сам же остался стоять.

– А почему вы решили, что имя мне идёт? В моей внешности нет ничего морского. Вот у вас хотя бы глаза цвета морской волны. А у меня обычные карие.

– Ничего обычного в вас нет. Особенно в глазах. Они тёплого оттенка гречишного мёда. Самое удивительное, что и

волосы у вас такого же оттенка. Поэтому и веет от вас теплом, как от тёплого моря.

– Вы любите мёд? – смутившись от его слов, перевела тему Марина.

– Только смотреть на разнообразие его цветовых нюансов, если честно, вкус не люблю с детства.

– И я, только завидую тем, кто любит, они так аппетитно его едят.

Он поднял свой бокал.

– За знакомство?

– За балет! – улыбнулась она.

Сделав глоток, задала ещё один вопрос, не относящийся к «делу».

– Где вы успели так хорошо загореть? Весна такая прохладная.

– Я недавно вернулся из... горячей точки, где быстро пристаёт загар, – с небольшой запинкой ответил он.

Словосочетание «горячая точка» Марина восприняла исключительно в смысле температуры.

– Тоже писали критику на балет?

– Нет. Балет – это страсть, любовь всей моей жизни. Пишу о нём время от времени для театрального обозрения. А вообще-то я военкор. Как только возвращаюсь из очередной командировки, первым делом – сюда. К знакомой сцене.

Марину осенило с опозданием.

– Вы тут танцевали? И в этом балете?

– Да, партию Конрада... Пару лет был премьером. Не сложилось, – он с нарочитой весёлостью улыбнулся...

*

Зайдя в зал, Марина сняла с плеч пиджак, протянула Яро-
славу, слёзы продолжали стоять в глазах.

– Что будем делать? – тихо спросил он.

– Не знаю...

– Может, вернёмся домой и, пока нет Данилы, поговорим
обо всём наболевшем без купюр?..

– Ты бросишь свою даму?

– Я вызову ей такси. С ней гораздо легче объясняться,
чем... с тобой. Надеюсь, твой кавалер простит тебя за пре-
рванный вечер? – на его губах опять появилась усмешка.

Марина молча развернулась, пошла к своему столику.

– Что-то случилось? – спросил сидевший там мужчина,
заметив влажный блеск в её глазах.

– Мне нужно уехать...

– Марина, мы взрослые люди. Неужели ты так боишься
своего мужа? Я уверен, он в курсе, что у тебя есть своя
жизнь, так же, как она есть у него. Когда из семьи уходит
любовь, то последствия наступают очень быстро.

– Мне нужно уехать, – повторила она. – Прости.

Он вздохнул.

– Давай я хотя бы провожу тебя.

– Нет, спасибо... Очень прошу, не спрашивай ни о чём.

– Даже так...

Ярослав уже ждал её у машины. Молча открыл ей дверцу и поддержал под локоть, подсаживая на сиденье. Ехали они тоже молча, думая каждый о своём. Она опять вспоминала...

Глава 3

...После театра они медленно шли по улице, почти бездумно, во всяком случае она точно не выбирала направления, куда идти. Заслушалась Ярослава. Он рассказывал о балете. Истории его возникновения. Знаменитых танцовщиках. Говорить мог бесконечно. Она готова была бесконечно слушать. Незаметно оказались на мосту. От весенней воды всё ещё веяло холодом. Ярослав внезапно замолчал, почти оборвав себя на полуслове. Марина остановилась, взглянула на него, ожидая продолжения. Смутилась, увидев, что он смотрит на её губы. Словно раздумывает, что ему грозит, если он их поцелует. Пока она в лёгкой панике соображала, как себя повести, если он всё-таки решится, он обнял её одной рукой за талию, а вторую приложил к её щеке. И Марина почувствовала, что щека уютно поместилась в его ладони, словно была специально создана под её размер. Ярослав наклонился, чуть помедлил, но притяжения уже было не остановить. Он прошёлся по контуру её губ лёгкими касаниями, потом приник к ним полностью, осторожно втягивая в себя, словно пил нектар.

– Спасибо, – сказал чуть хрипло.

– За что? – она с трудом обрела голос.

– Что ждала меня, – ответил он, серьёзно глядя ей в глаза.

Марина вспыхнула, затрепетала, неужели так легко опре-

делить всего лишь по единственному поцелую, что он для неё первый?.. Что она сделала не так?

Спрашивать было неловко, ещё более неловко было бы просить, чтобы он повторил поцелуй... Ярослав несколько секунд смотрел, как меняется выражение её глаз, опять наклонился. В этот раз поцелуй был более настойчивым и жарким. За вторым последовал третий, потом четвёртый... С небольшими промежутками, во время которых он с ласковой улыбкой разглядывал её лицо. С пятого она начала ему отвечать, наконец поняв, что можно не только принимать, но и отдавать...

*

От воспоминаний о тех первых поцелуях лицо её запылало, из глаз снова выкатились слёзы. Ярослав покосился на неё. Помрачнел. Не знал теперь, как вести себя, когда она плакала. Раньше приласкал бы её, утешая. Марина отвернулась к окну, огни реклам сливались в одну цветную полосу, словно бы размытую дождём. Это началось год назад... Они стали чужими друг другу... От прошлого осталось только его обращение к ней – «зайчонок», да и то произносимое лишь по привычке и только в ответ по телефону...

– Значит... ты хочешь развестись... – полувопросом, полуутверждением сказала она. Решившись, перевела на него взгляд. Ярослав смотрел на дорогу. Спокойный, видимо, был готов к разговору.

– А ты хочешь продолжать то, чего нет? – Он помолчал. –

Впрочем, ради Данилы я готов и дальше притворяться семьёй. Мне не горит.

«Не горит». Марина задержала дыхание. Надолго, так что чуть не потеряла сознание. Опомилась, снова сделала вдох. Она думала, у него уже есть вторая семья. Возможно, есть и ребёнок... Но разве тогда он выразился бы такими словами?..

– Мне тоже... не горит, – тихо сказала она. – Но вот только притворяться мне очень тяжело... И Данила уже не раз спрашивал меня, почему... – она оборвала себя.

– Что «почему»? – спросил Ярослав, хотя и догадывался, что она ответит.

– Почему мы больше не целуемся, не радуемся друг другу... Из-за чего поссорились... Когда помиримся... Тебя не спрашивал?

– Нет... Он же мамин сын. В любом случае будет на твоей стороне.

– Это потому, что он редко тебя видел... Как и я.

– Это девять лет не было для тебя проблемой...

– Было, но я знала, что ты меня любишь и тоже ждёшь встречи... А потом наступил момент, когда я поняла, что возвращения к нам тебе в тягость...

– Интересно, не тот ли это момент, когда у тебя появился другой мужчина... Возвращаться мне действительно стало в тягость.

Марина закусила губу, стараясь не расплакаться снова, от-

вернулась, прошептала еле слышно:

– Кажется, ты путаешь последовательность событий...

Глава 4

... Они гуляли до самого утра. И счёт поцелуям пошёл на десятки.

– Расскажи о себе, а то обо мне ты уже почти всё знаешь, а я о тебе совсем ничего.

Марина застеснялась. В сравнении с его жизнью, такой насыщенной яркими событиями, её собственная показалась ей тусклой и недостойной того, чтобы о ней рассказывать. А ведь Ярослав был всего на два года старше её. Но в свои двадцать шесть испытал и увидел столько, сколько большинству не дано испытать и увидеть за целую жизнь...

– О тебе я знаю ещё не всё. Как ты шагнул от балета до военного корреспондента?

Ярослав пожал плечами.

– Случайно, с одной стороны. Редакция газеты, для которой писал очерк, обратилась с таким неожиданным предложением. Их сотрудник был ранен во время одной из командировок. – Он замолчал, почувствовав, как Марина вздрогнула под его рукой. – Парень поправился. Но к тому моменту я уже втянулся. Понял, что это моё. После ухода со сцены мне явно не хватало адреналина.

Он развернул её за плечи к себе лицом.

– И всё же. Чтобы я мог составить дальнейшие планы на наш счёт, мне нужна о тебе информация. Начнём с того, ко-

му ты звонила, когда мы вышли из театра, кого предупредила, что задерживаешься?

– Родителей, – пробормотала Марина. – Я живу с родителями, они бы волновались.

– И что ты им сказала?

Марина зарделась, потупила взгляд.

– Что я в гостях у подруги.

Ярослав засмеялся своим ласковым смехом ожившей улыбки.

– Я учту на будущее, как легко ты говоришь неправду.

*

Марина с грустью подумала, что фраза, произнесённая тогда шутливым тоном, означала на самом деле гораздо больше. И гораздо глубже сидела в его памяти. Он вытащил её на свет сразу, как только ему показалось, что она обманывает его. Это было не так. Но переубедить его у неё не получилось. Точнее, она и не пыталась. Почувствовала себя оскорблённой недоверием. Всё думала, вот-вот недоразумение между ними разрешится. Если бы она только могла представить, что трещина, вместо того чтобы зарастать со временем, будет становиться лишь шире, она бы не молчала обиженно, она бы объяснилась, она бы, возможно, спасла их любовь...

*

...Ярослав заглянул в её глаза, они выдавали усталость после бессонной ночи.

– А когда тебе на работу?

– Завтра вечером. Я преподаю немецкий на курсах иностранных языков. У меня пока одна группа, три раза в неделю с семи до десяти часов.

– И кто же учит немецкий в столь позднее время?

– Взрослые люди, – улыбнулась она. – У каждого свои цели и задачи.

– Значит, до завтрашнего вечера я тебя похищаю. Звони опять родителям. Послушаю, как ты сочинишь сказки.

Марине хотелось поспать хотя бы пару часов, но расставаться с Ярославом даже на такой короткий промежуток было нестерпимо. Она позвонила. Сказала, чуть смущённо глядя на него, не сводившего с неё глаз:

– Алло, мама... Меня не будет до завтра. Мы... с Наташей съездим в Питер на денёк.

Ярослав удивлённо приподнял брови. Когда она отсоединилась, произнёс, снова обнимая её за плечи:

– Складно. И, самое интересное, что ты почти не обманула. Я действительно собираюсь увезти тебя в Питер. Заодно поспишь в поезде, а то ты от усталости уже очень бледная.

Он вызвал такси, и они уехали на Ленинградский вокзал. Поезда ходили часто, Ярослав взял билеты на сапсан. Как только они заняли свои места, Марина прислонилась к его плечу и уснула. Она не думала о том, сколько продлится то необычное, что с ней происходило. Не думала о том, что будет дальше. Полностью доверилась Ярославу, его улыбке, его

нежным объятиям.

В Петербурге они провели незабываемый день. Для начала он привёл её на Поцелуев мост, и там они снова самозабвенно целовались. А вечером были в Мариинском театре на «Лебедином озере». И Ярослав утешал её, когда она рыдала. Сюжет и музыка «Лебединого» всегда доводили её до горьких слёз. Она смотрела его один раз в Большом и один раз в Станиславского и Немировича-Данченко. И оба раза выходила из театра, всхлипывая и утирая глаза. Потом они катались по Неве и каналам, любовались белой майской ночью. В поезде она опять спала. Спал ли Ярослав, не знала. Едва она открывала глаза, сразу видела направленный на неё нежный взгляд.

Потом он с вокзала отвёз её на такси на работу. Она впервые пришла на урок неподготовленной. Но счастье, поселившись в ней, помогло выкрутиться, задания сочинялись легко, занятие прошло весело. Её студенты не заметили, что у преподавательницы не было при себе никакого конспекта. Прощаясь с Ярославом у входа в здание школы, где арендовали помещения курсы, она даже не спросила, когда они снова встретятся. Не знала его номер телефона. Вдруг испугалась, что всё закончилось... С душевным трепетом и страхом вышла на улицу после того, как отвела урок. Очень надеялась, что он ждёт её. Не увидев, почувствовала, как потекли слёзы. И сразу – его ладони, закрывшие ей глаза.

– Ну вот, не успел. Ты уже расстроилась, – обнимая её,

сказал Ярослав. – Поехали. У нас есть важное дело.

Марина сияла. Ехать с ним готова была куда угодно. В этот раз он был на своей машине.

– Даже не спросишь, куда? – засмеялся он, глядя, как Марина усаживается поудобнее и пристёгивает ремень.

– Мне всё равно, – искренне ответила она. – Только бы с тобой...

Глава 5

Она так глубоко ушла в воспоминания, что не заметила, как они приехали. Ярослав окликнул её.

– Вернись в настоящее. Мы на месте.

– Откуда ты знаешь, что я была в прошлом? – невесело усмехнулась она.

– По улыбке на твоих губах. Хотя и не уверен, ко мне ли она была обращена. Ведь у нас теперь два прошлых...

Марина с трудом сдержалась. Слезы, усилием воли остановленные ею, жгли глаза. Зачем она разбередила себе душу... Ведь уже почти научилась жить без него, без его любви... Или это была иллюзия? И ничему она не научилась...

*

– Тем не менее мне придётся спросить тебя, куда ехать. Где ты живёшь? – Ярослав смотрел на неё, заведя машину и готовый трогаться.

– У метро «Юго-Западная», – ответила Марина, не очень понимая, при чём тут её адрес.

– А точнее?

– На Ленинском проспекте. – Она назвала дом. – Ты хочешь с рук на руки сдать меня родителям? – спросила с унынием.

– Не совсем, – загадочно произнёс он. – А они ждут тебя после работы? Или ты тихо прокрадываешься в свою комна-

ту?

– Сегодня точно ждут, ведь мы не виделись уже два дня.

– Это хорошо, – его слова не внесли ясности.

Лишь когда он по пути остановился у цветочного киоска, а потом ещё купил торт, Марина поняла, что он планирует познакомиться с её семьёй. Она ошиблась. Он в тот же вечер попросил её руки. Родители по выражению её лица догадались, что для неё это прозвучало так же неожиданно, как и для них.

– Ну... если у вас всё серьёзно, – пролепетала мама, – то... – она растерянно посмотрела на мужа.

– Совет да любовь, – коротко сказал тот. Парень был симпатичный, воспитанный, самостоятельно стоял на ногах, с квартирой, машиной, что ещё нужно для спокойствия родителей, выпускающих дочь во взрослую жизнь...

Только потом её отец спросил, чем конкретно Ярослав занимается. Услышав, что он военкор, бросил на Марину странный взгляд. Когда Ярослав уехал, уже в качестве жениха, оставив невесту высыпаться после напряжённых дней, отец спросил Марину:

– А ты готова к такой жизни, дочка? Ведь придётся часто расставаться, волноваться за его жизнь...

Марина уже успела об этом подумать.

– К такому вряд ли можно подготовиться. Но без него я не смогу... Так что выхода нет.

Они подали заявление. В тот же день она переехала к

нему. Он не оставил ей выбора.

– Целый месяц ожидания! Я не выдержу так долго. Переезжай ко мне. Я надеюсь, ты достаточно взрослая, чтобы не испытывать комплексов по этому поводу?

Увидев её смущение, вздохнул.

– Недостаточно. Поехали, буду отпрашивать тебя у родителей.

О том, какие он привёл аргументы, чтобы её «отпустили» (они беседовали с отцом тет-а-тет), Ярослав признался ей лишь в машине, когда они ехали к нему, а в багажнике лежал её чемодан с вещами.

– Как тебе удалось уговорить их так быстро? – не могла прийти в себя Марина.

– Сказал, что два предыдущих дня ты всё равно уже провела со мной, а не с... Наташей.

Марина прижала ладони к горящим щекам.

– Боже...

Ярослав посмотрел на неё чуть сконфуженно:

– Ты расстроилась?.. Но ведь это всё равно случится... Обещаю, что не раньше, чем ты будешь готова.

Марину охватила нервная дрожь. Она никак не могла её побороть. Ярослав нежно поглядывал на неё. Первая совместная ночь прошла только в поцелуях и объятиях. На вторую он со всей бережностью и любовью сделал из неё женщину. С этого мгновения их жизнь засияла всей палитрой красок. Месяц до свадьбы пролетел в приятных хлопотах,

само праздничное событие совпало с началом летних каникул на курсах. Они отправились в свадебное путешествие по Европе. Неделью провели во Франции, неделю в Италии. Были счастливы каждую минуту, проведённую друг с другом...

Как же они были счастливы...

*

Ярослав открыл дверь, вошёл первым, чтобы включить в прихожей свет. Оглянулся на неё. Она медлила у порога. Опять так некстати вспомнилось, как десять лет назад он перенёс её через порог на руках. Солёная влага не удержалась в глазах, заструилась по щекам. Он поморщился.

– Не могу понять твоих сегодняшних слёз. Плаксивать нашу семейную жизнь вроде бы уже поздно. Или ты переживаешь, что я увёз тебя от кавалера и твой вечер мог быть более приятным?

Она прошла в квартиру. Скинула туфли, в гостиной села в кресло, обняла себя руками за плечи, чтобы унять охватившую её дрожь. Ярослав молча опустился на диван напротив неё.

– Ты хотел поговорить без купюр, – прошептала она срывающимся голосом, так сильно её трясло. – Но какой в этом смысл, если ты меня больше не любишь, если у тебя есть другая, зачем тянуть эту муку...

– Ты так говоришь, будто бы дело только во мне, – тоже тихо произнёс он.

Марина решилась, прямо посмотрела ему в глаза:

– Тогда, год назад, ты принял моё молчание на свои подозрения за признание вины, а вины никакой не было. У меня никого нет. Но ты ведь этому не веришь... И знаешь, почему? Потому что так тебе легче переносить собственную вину...

Глава 6

...Марина поняла, что беременна, когда Ярослав был в очередной "горячей точке". По срокам получалось, что зачатие произошло в самом начале их свадебного путешествия. Она заставляла себя думать о хорошем, избегала смотреть новости, начинала и заканчивала день с горячей молитвы, придуманной самой. Ночами улетала к нему во снах. Когда он вернулся и узнал новость, что у него будет сын, то полдня носил её на руках. А вечером они, по традиции, сопровождавшей его возвращения, были на балете. «Показали» сидевшему в мамином животике малышу «Щелкунчика». Это была случайность, что в тот вечер давали именно этот балет, но они восприняли её как добрый знак того, что сынишка тоже будет балетоманом. Марина уже не мыслила себе жизни без регулярных посещений театра, без таинственно гаснущей люстры, взмаха дирижёрской палочки, завораживающей музыки, без наслаждения видеть удивительную пластику тел. Без того, чтобы смотреть на лицо Ярослава, переживающего каждое па, совершаемое на сцене, как будто исполнял его сам...

В ту ночь, когда она рожала Данилу, тяжело и долго, он чуть не умер от страха за неё, всю ночь провёл в роддоме. Даже когда ему сообщили, что мучения его жены закончились, и поздравили с рождением сына, не уходил, чтобы быть

как можно ближе к ней. Когда привёз их с малышом домой, трогательно заботился, помогая ей во всём, тем более что она почти месяц не могла нормально садиться...

*

Как же они были счастливы, опять с грустью подумала Марина. Ярослав смотрел на неё в некоторой растерянности, оглушённый её словами. Она печально улыбнулась ему:

– Не веришь... Ты был моим единственным мужчиной и... останешься. Так, как тебя, я всё равно никого не смогу полюбить, а быть с кем-то без любви не хочу... Но я не буду тебя удерживать, если сердце твоё занято...

Он продолжал молчать, хотя внутри всё кипело, вопросы рвались наружу. Почему говорит это только сейчас?! Почему позволила ему предать её?!

*

Девять лет безмерного счастья. Страстных прощаний перед его отъездами и ещё более страстных встреч. Потом, так сложились обстоятельства, у него случились подряд три командировки. Последняя закончилась чуть раньше, чем он предупреждал Марину. Она была в тот день на своих курсах, восьмилетний Данила, уже второклассник, находился за городом, у бабушки с дедушкой, его родителей (они за несколько лет до того продали квартиру в Москве и переехали жить в собственный дом), у сына как раз начались летние каникулы. Ярослав примчался радостный встретить жену после работы, предвкушал, как наконец-то прижмёт её

к себе, как зацелует, как привезёт скорее домой, в их постель... Возможно, если бы не эти его горячие желания, которые ему хотелось исполнить немедленно, он чуть более трезво воспринял бы то, что увидел, чуть более спокойно постарался бы разобраться, поговорить с женой не в обвиняющем тоне, а выслушать её объяснения. Она же сразу замкнулась, едва он высказал ей свои подозрения в неверности... Нет, не так... Она попыталась ему объяснить, а он не поверил. Не поверил, что поцелуй был против её воли. А потом, когда встречал её именно с этим мужчиной, лишь утвердился в своей правоте. С ним она была и сегодня в джазовом кафе... В тот вечер Ярослав не поехал домой, накручивая себя картинами Марины в объятиях другого в их супружеской постели. Отправился к родителям. Сын ему обрадовался. В разговоре простодушно поведал, что маму до дома обычно подвозит её «студент». На следующий же день Ярослав пошёл туда, куда всегда звало сердце, – в свой бывший театр. И после спектакля уехал с одной из знакомых балерин... В отличие от Марины (если то, что она ему сейчас сказала, правда) не для того, чтобы «разговаривать»... Затем последовал долгий год тягостного молчания, неубедительных попыток скрыть связь на стороне. Которая закончилась этой трагикомедией, как в плохом водевиле. Почему не ушёл раньше и совсем?.. Ответ был очевиден. Он не переставал её любить...

*

...Первый раз Марина приняла предложение подвезти её

до дома, потому что была метель и очень холодно. Ледяной ветер буквально сбивал с ног. Она поддалась на уговоры, хотя чувствовала определённые опасения и неловкость. Знала, что «студент» женат. Не хотелось, чтобы из-за неё он задержался с возвращением к семье. Тем более не хотела этого, потому что он неприкрыто пытался за ней ухаживать. Но он поклялся, что только доведёт и ничего больше. Не постарается использовать ситуацию, что её муж в командировке. Окончательно убедил её тем, что ему даже не придётся делать крюк, что им всё равно по пути... Зима затянулась, была снежной и вьюжной. Командировка Ярослава всё не заканчивалась. Константин вёл себя безукоризненно. Так и продолжал подвозить её до подъезда, не уговаривал на большее. Пришла весна. Ярослав сообщил, что его направляют на другой участок, что не сможет приехать даже на день. Погода наладилась, и Марина снова надела шпильки. За три часа занятий ноги так уставали (она вела уроки стоя, не присаживаясь, чтобы отдохнуть), что она по-прежнему пользовалась любезностью Константина. Они говорили на всякие отвлечённые темы. Марине стало казаться, что «опасный» период их отношений не возобновится, что они стали просто добрыми друзьями.

Ярослав звонил так часто, как мог. В очередной звонок с грустью предупредил, что вернётся лишь через месяц, в самом конце мая. Они не виделись почти полгода...

Во дворе школы с ошеломительной силой цвела сирень,

из-за пышных кистей не было видно зелени. Густой головомозжительный аромат висел в воздухе, проникал через окна, отвлекал от занятий. Марина очень скучала по мужу. Считала дни до встречи. Оставалось потерпеть совсем чуть-чуть. Ничего не подозревая, она вышла тогда из школы, Константин, как обычно, сопровождал её. Она надеялась, что это будет последний раз, когда он подвозит её. Она уже поделилась с ним своей радостью, что завтра возвращается муж. Поделлась как с «добрым другом». Вечер был тёплым и сладким от запаха сирени. Она даже не успела понять, как случилось, что его губы вдруг оказались на её губах, а руки требовательно обвили её плеч...

Домой она ехала на метро, обозлённая его поступком. Когда на следующий день вернулся Ярослав, бросилась к нему, безмерно счастливая, что долгая разлука закончилась. Он остановил её порыв.

– Ты великая актриса. Аплодирую стоя, – сказал он, мрачно глядя на неё.

У Марины запылали щёки, как будто он её ударил.

– Не делай такое непонимающее лицо. Я видел вчера ваш страстный поцелуй, Данила просветил насчёт остального...

– Я ни в чём не виновата перед тобой... – растерялась она. Ей казалось, что она спит и видит дурной сон.

Он не хотел слушать её объяснения, почему-то сразу и безоговорочно посчитав все её слова ложью... Она замкнулась в себе, не стала больше оправдываться, сказала, пусть

думает что хочет... Не стала бороться за свою любовь... Вечером он уехал, отсутствовал всю ночь... По той боли, которая вошла в сердце, Марина поняла – он с другой женщиной... И стала каждый день ждать, что он объявит о своём уходе. Он почему-то тянул. Закончилось мучительное лето взаимного молчания. Иногда они вместе ездили навещать Данилу. При сыне и родителях старались делать вид, что ничего не произошло... Начался учебный год. Они будто привыкли к подвешенному состоянию. Каждый раз, когда Ярослав возвращался от своей женщины (она угадывала это безошибочным чутьём любящего сердца), Марина, будто это как-то могло облегчить её боль, отвечала согласием на приглашения Константина. Он больше не позволял себе выходить «за рамки», выжидал, когда ситуация приведёт её к нему всю целиком. За месяцы такой жизни Марина убедила себя, что у Ярослава «там» уже сформировалась семья. Что он не уходит окончательно, возможно, из-за Данилы. Они оба даже зачем-то скрывали друг от друга свои свидания...

*

Дрожь не отпускала её. Ярослав встал, всё так же не говоря ни слова, принёс ей шерстяной плед. Сначала хотел просто отдать, потом накрыл сам, впервые за долгое время коснувшись её, когда заворачивал плед ей за плечи.

– Спасибо, – прошептала она, от его прикосновения снова набежали слёзы, а трясоти стало ещё сильнее.

Ярослав ушёл на кухню. Марина слышала, как он включил

чайник. Вернулся с подносом, на котором стояла дымящаяся чашка; поставив поднос на журнальный столик, придвинул к ней.

– Пей, тебе нужно согреться.

Она послушно взяла чашку. Чуть не расплескала, поставила обратно. Ярослав, молча протянув руку, пощупал её лоб.

– У тебя жар.

Глава 7

Он принёс градусник.

– Почти 40, я вызову скорую, – сказал Ярослав уже встревоженно.

Врач нашёл у Марины признаки сильной простуды, накачал лекарствами, она легла в постель. Они уже год спали отдельно друг от друга. Ярослав стелил себе на диване в гостиной. Часа два он ворочался без сна, вспоминая печальный и спокойный тон, каким Марина сказала, что всегда любила только его, и опять закипая, когда в памяти всплывала она же вместе с другим мужчиной, смотревшим на неё с вожделением, рука жены без обручального кольца... Подумал хмуро, что нужно её проведать, вдруг лекарства перестали действовать. Хотел постучать, но потом просто тихо приоткрыл дверь. Марина лежала свернувшись калачиком, одеяло валялось на полу. Ярослав быстро подошёл, поднял его, снова укутал жену, она дрожала во сне, одеяло же, вероятно, сбросила, когда снова был приступ жара. Он принёс из гостиной кресло, сел возле кровати. Осторожно приложил ладонь к её лбу. Она горела. При этом руки и ноги были ледяными. Озноб сменялся горячкой. Наверняка Марину просквозило на открытой веранде джазового кафе. На ней ведь было только лёгкое платье, а ветер дул холодный, совсем не майский.

Ярослав снова поднялся, сходил за кастрюлей с холодной водой и полотенцами, когда Марина покрывалась липкой испариной, клал на лоб компрессы, сняв с неё ночную сорочку, обтирал её пылающее тело. Чувствовал, как колотится её сердце. «Зайчонок», – прошептал он грустно. Взгляд упал на стопку фотоальбомов на прикроватной тумбочке. Жена любила смотреть фотографии не на компьютере, а именно в альбомах, а потому всегда распечатывала в фотосалонах самые памятные снимки их путешествий и просто семейных будней, которые девять лет были праздниками... Раньше эти альбомы стояли в гостиной в книжном шкафу. Он не заметил, когда она перенесла их в «свою» комнату...

Жар опять вылился в дрожь, Марина покрылась мурашками. Ярослав накрыл жену ещё и своим одеялом. Опять померял ей температуру. Снова под сорок. Пришлось будить её, чтобы влить в рот жаропонижающее. Она выпила, клацая зубами о края стакана, явно в забытьи поцеловала его ладонь, прикосновение её горячих губ пронзило его насквозь, вызвало трепет во всём теле. Под утро лихорадка наконец отступила, Марина перестала метаться, задышала спокойно. Во сне нашла его руку, прижала к щеке, как делала, когда они спали вместе. Ему пришлось наклониться, чтобы её щека удобнее расположилась в его ладони. Мучительно захотелось поцеловать её близкие губы. Он уже забыл их вкус. Как поверить, что их давно никто не касался, если не далее как вчера она снова была с другим... Не далее как вчера эти гу-

бы снова лгали ему... Ярослав убрал руку. Её лицо опечалилось во сне.

Послушав выровнявшееся дыхание Марины, он хотел вернуться в гостиную на «свой» диван, но в утреннем свете, который пробивался через плотные шторы, увидел, что самым верхним в стопке лежит альбом с фотографиями их свадебного путешествия. Не удержался, открыл наугад. Венеция. Площадь Святого Марка...

*

...Они ходили исключительно в обнимку, вызывая улыбки окружающих своим счастливым, немножко ошалевшим от любовных ласк видом. На площади их тут же окружили голуби. Они кормили их, наблюдали за настойчивыми ухаживаниями «мальчиков» за «девочками», хотя был разгар лета и пары уже должны были сформироваться и даже принести потомство. Марина, смеясь, призналась, что тоже была патологически влюбчивой. Что её сердце всегда было кем-то занято.

– И каким же образом случилось со мной счастье быть для тебя во многих смыслах первым? – удивился Ярослав.

Марина светло улыбнулась ему.

– Потому что мальчики нравились мне ровно до того момента, как признавались мне в любви. Мне сразу хотелось снова сделать их просто друзьями.

– То есть мне повезло? А до меня ты разбила кучу сердец?

– Кучу, – со вздохом покачалась Марина. – Тебе повезло. –

Она встала на цыпочки, чтобы дотянуться до его губ. Он с улыбкой ждал, не наклонялся навстречу...

*

Ярослав перелистнул страницу. Тоже Венеция. Чуть размытая фотография. Они катались по каналам, Марина слушала песню гондольера, Ярославу хотелось запечатлеть её задумчивое лицо. Мимо промчался катер и обрызгал их, капля попала на объектив. Он считал этот кадр испорченным, даже не знал, что она сохранила его и сделала фотографию. Теперь картинка воспринималась как будто сквозь прозрачную слезу...

*

– Из тебя получился бы самый красивый и романтичный гондольер, а с твоим голосом от желающих прокатиться на твоей гондоле не было бы отбоя, – сказала Марина после их водной прогулки. – Обещай, что выучишь эту баркаролу и будешь мне её петь вместо колыбельной.

– Почему ты решила, что я умею петь? Может, я занимался молчаливым искусством танца, именно потому, что других талантов мне не дано?

– Потому что твой голос, даже когда ты просто говоришь, звучит как музыка. Ты просто не пробовал. Обещаешь?

– Хорошо, если только ты будешь единственным моим слушателем.

– Я очень надеюсь, что такую романтическую песню тебе захочется петь только мне...

Он сдержал обещание. Выучил баркаролу на итальянском и тихо пел ей, баюкая после их страстных объятий, пока она не засыпала с нежной улыбкой на своих сладких губах...

Глава 8

Ярослав заметил, что ресницы Марины дрогнули, она просыпалась. Открыла глаза; увидев его, улыбнулась так, как улыбалась ему всегда по утрам, когда они просыпались вместе. На мгновение ему захотелось, чтобы мучивший её ночью жар стёр ей память о том плохом, что случилось с ними, оставив только счастливые воспоминания. Но... как быть с его памятью?.. Он молча протянул ей градусник. Она посмотрела на его руку, на кресло, в котором он сидел рядом с кроватью, на полотенца и кастрюлю с водой. Осознание убрало улыбку с её лица. Во взгляде появилось смущение, усилившееся, когда она поняла, что лежит под одеялом только в трусиках, он снял с неё ночную сорочку.

– Ты что, просидел возле меня всю ночь? – с трудом разлепив спекшиеся губы, спросила она, послушно взяла термометр. – Спасибо... Мне уже лучше.

– Сейчас увидим, насколько... – хмуро ответил он.

Красная спиртовая полоска замерла на отметке 38, 5.

– Не так уж и лучше, – произнёс Ярослав. – Горло болит? Марина сглотнула.

– Немножко...

– Принесу тебе питьё и лекарства.

Он ушёл на кухню. Марина чувствовала, как в глазах опять закипают слёзы, знала, что они его рассердят, но она

была так тронута его заботой. Увидела, что верхний альбом лежит вверх тормашками. Поняла, что он листал его. Их свадебное путешествие. Слёзы заструились по щекам, щеkotно скатываясь на шею.

Ярослав вернулся, неся поднос. Сделал вид, что не заметил её мокрые глаза и щёки. Протянул таблетки, стакан с тёплой водой, чтобы запить.

– Позавтракаешь?

Марина отрицательно покачала головой.

– Мне правда лучше. Ты можешь идти поспать или... если тебе нужно уйти...

– Мне нужно съездить за Данилой. Или оставим его на пару дней у родителей? Пока ты болеешь. Всё равно скоро каникулы. Годовые контрольные они уже написали.

– Откуда ты знаешь про контрольные? – Марина была приятно удивлена, что он в курсе школьной жизни сына.

Ярослав не стал отвечать, только с досадой поморщился.

– Выпей чаю с мёдом, – сказал он, ставя поднос на кровать.

– Откуда у нас мёд?

– От родителей.

– Ты же знаешь, я его не люблю...

– Потерпишь. Тебе сейчас очень полезно, – отрезал он.

Марина, зажмурившись, большими глотками, чтобы не ощущать вкуса, выпила, закашлялась, Ярослав взял из её рук чашку.

– Молодец. Не ожидал, что согласишься, – произнёс он с

усмешкой. – Вообще-то, там было малиновое варенье. Но я учту, что тебя можно лечить и мёдом.

Она в растерянности провела языком по губам, чтобы проверить, говорит ли он правду. Почувствовала малиновую сладость. Ярослав с трудом отвёл глаза от её лица, её жест отозвался томлением в его теле; подавив вздох, он протянул ей телефон.

– Будешь звонить на работу?

– Может... к вечеру мне станет уже совсем хорошо... – робко предположила она.

– Из-за него готова идти даже в таком состоянии? – мрачно трактовал он её «трудовой порыв».

Марина отвернулась, накрылась одеялом с головой. Ярослав услышал приглушённые рыдания. Вышел из комнаты, несколько минут мерил квартиру сердитыми шагами, замер у окна. Середина мая. Листва на деревьях уже распустилась, собиралась зацветать сирень. Вспомнил, какое число. В этот день десять лет назад они познакомились...

*

– Можно ли понимать отсутствие обручального кольца на вашей руке как знак того, что вы любите балет так же сильно, как люблю его я?..

Она сразу привлекла его внимание. Шла-шла и вдруг остановилась, о чём-то задумавшись. Да так глубоко, что не замечала людей, вынужденных её обходить. Потом кто-то случайно толкнул её, она машинально отступила к сте-

не, афиша театра оказалась у неё за спиной. Фраза родилась у него спонтанно. Потом, уже в ответ на её вопрос, как одно связано с другим, пришлось выкручиваться, придумывать обоснования. Пока говорил с ней, разглядел и медовый оттенок её глаз и волос, длинных и волнистых, нежный овал лица, небольшой рот с ласковой улыбкой мягких и, наверное, сладких губ. Очень хотелось продолжить знакомство. Очень хотелось, чтобы она любила балет. Тогда у него точно будет шанс поцеловать её... Поцелуй превзошёл его ожидания. Он никак не думал, что окажется первым, кто прикоснулся к её губам, и тут же стал надеяться, что останется единственным...

*

Ярослав вернулся в спальню. Подошёл к кровати, осторожно потрогал жену, спрятанную под одеялом.

– Не плачь. Опять температура поднимется. Извини, я сорвался. Ты всё-таки позвони, что заболела.

Глава 9

От его почти ласкового тона Марина разрыдалась ещё сильнее. Температура немедленно скакнула вверх, снова до отметки почти в сорок. На её работу он позвонил сам. Опять терпеливо ухаживал, обтирая холодным полотенцем её горящее тело, кутая в одеяла, когда на неё напал озноб. Поил лекарствами.

Вечером, ровно в семь, когда должен был начаться её урок, на Маринином телефоне раздалась мелодия звонка. «Вальс цветов» из «Щелкунчика». Марина спала, наконец-то подействовало жаропонижающее. Ярослав взял её телефон, вышел с ним из спальни. Сначала хотел просто выключить звук, но увидел имя на экране. Константин. Догадался, кто это. Помедлив, ответил на звонок.

– Слушаю.

Звонивший помолчал. Потом произнёс твёрдым голосом:

– Я могу поговорить с Мариной?

– Нет, – коротко сказал Ярослав, не объясняя, но и не отсоединяясь.

Константин опять помолчал.

– Ярослав... Я ведь не ошибаюсь, вас так зовут?

– Допустим.

– Насколько мне известно, у вас есть другая женщина. Марина с вами давно несчастна.

– Вы собираетесь её осчастливить? – Ярослав с трудом сдерживал охвативший его гнев.

– Собираюсь. Ради неё я готов уйти из семьи. Так что мои намерения серьёзны, а вот ваши?

Ярослав сам не понимал, зачем продолжает этот разговор. Что за мальчишеское соперничество... Не ожидал от себя, что произнесёт:

– Ради неё я готов остаться.

Он выключил телефон. Перевёл дыхание. Гнев медленно ослаблял свои тиски. Сердце начало биться ровнее. Он что, действительно готов остаться?.. Не ради сына, а ради неё? Готов простить ей свою связь с ненужной ему женщиной?.. Последний вопрос он задал себе с саркастической усмешкой. Но что поделать... Он и вправду считал её виноватой в том, что изменил ей... Хотя после её вчерашних слов о любви уже и сам не знал, что думать... Возможно, вина целиком и полностью лежит на нём... Почему он, мнивший себя способным на взвешенные решения, буквально терял самообладание, когда речь шла о Марине?.. Почему не был способен безоговорочно поверить ей?..

Он заглянул в спальню, убедился, что Марина спит, что жара у неё нет. Сел с ноутбуком в гостиной. Ему нужно было писать статью. Большой обзор по событиям в горячей точке, из которой недавно вернулся. Если он расположится в кресле рядом с женой, то не сможет сосредоточиться. Не сможет не смотреть на неё, не думать...

Профессия военкора втянула его в себя, как в своё время втянул балет. И то, и другое требовало максимальной отдачи. И то, и другое стоило пота и крови... Ни от того, ни от другого он не мог добровольно отказаться. Марина, зная это, никогда не ставила ему никаких условий, только родители, переживая за него, иногда восклицали: «Неужели только опасное ранение остановит тебя?!» Его полёт над сценой в своё время остановили сломанные ноги... Во время репетиции он упал в оркестровую яму. Из-за ошибки своей партнёрши. Он восстановился, но не смог вернуться к прежней форме... К полёту... Неожиданно подумал о том, что если бы танцевал в тот вечер в «Корсаре», то... не познакомился бы с Мариной. Не было бы этих девяти лет безмерного счастья... Не было бы Данилки. Он отложил ноутбук, захотелось увидеть её лицо... Присел на кровати, тыльной стороной ладони потрогал её лоб, кажется, снова поднималась температура. Он вдруг почувствовал, что рад этому. Тому, что снова проведёт рядом с ней бессонную ночь, будет касаться её тела на «законных» основаниях, которых лишил себя год назад...

К статье он в тот вечер так и не приступил. Ночь же выдалась ещё более тяжёлой, так что к утру, когда ему наконец удалось сбить у Марины жар, он заснул без сил в кресле рядом с кроватью. Затем снова вызвал врача. Теперь уже диагностировали сильную ангину. Марина не могла говорить, не могла глотать, смотрела на лекарства с видом маленького ре-

бёнка, которого пичкают гадостью. Ярослав выполнил свою «угрозу» и кормил её мёдом. Она еле сдерживала слёзы от-вращения. Данила остался у бабушки-дедушки, довольный тем, что у него раньше, чем у других, начались летние каникулы. Маринин телефон оставался выключен...

Статью Ярослав писал наспех, в перерывах между дачей лекарств и прочими процедурами, выручил многолетний опыт, хорошая память и быстрый аналитический ум. В редакции остались довольны. Своё же критическое отношение к тому, что написал, затолкал поглубже. Пока главное – это Марина. Ему было её очень жалко, а несчастное выражение на бледном, измождённом болезнью лице трогало и вызывало приливы нежности, которые он пока тоже носил глубоко в себе. За десять лет их семейной жизни она болела первый раз. Раньше им приходилось ухаживать только за сынишкой. Сам Ярослав уже и не помнил, когда хотя бы чихал. Природа наградила его отменным здоровьем, что очень помогало в выбранной им профессии, в командировках иногда приходилось спать в окопах на голой земле.

Вечером раздался звонок в дверь. Ярослав как раз пытался уговорить Марину принять лекарства. Две таблетки из «списка» были очень горькими, застревали в её распухшем горле, она давилась, обливалась слезами. Он стоял перед ней, держа наготове сладкое питьё. Поставив стакан на поднос, пошёл открывать. За дверью находился Константин. Первой мыслью было спустить его с лестницы, сопроводив свои дей-

ствия лексикой, усвоенной в горячих точках. Но вслед за первой сразу родилась другая, и он молча отступил в сторону. Константин шагнул в прихожую. По тому, как он непроизвольно огляделся, Ярослав понял, что в квартире он впервые. Как минимум одно подозрение можно было вычеркнуть из сердца.

– Я передумал, – резко сказал он. – Жди за дверью.

Константин обернулся на него, собираясь возразить. Они были с Ярославом почти одной комплекции, оба высокие и атлетически сложенные, но Константину пришлось учесть, что, во-первых, Ярослав был на своей территории, а, во-вторых, Марина, пусть и формально, была его женой. Он вышел на лестничную площадку, достал из кармана пачку сигарет.

Ярослав захлопнул дверь, вернулся к Марине. Отвечая на её немой вопрос, произнёс, пристально глядя ей в глаза:

– Пришёл твой... ухажёр.

Он чуть не сказал «любовник», в последнее мгновение удержался, это слово могло ещё больше расширить трещину между ними.

Маринины глаза наполнились испугом. Говорить она не могла, а потому взгляд был особенно выразительным.

– Хотелось бы мне знать, чего ты боишься, – прошептал Ярослав, – того, что я спущу его с лестницы, или того, что пущу к тебе...

Испуг в её глазах сменился на печальную обречённость. Точно такое выражение было у неё, когда год назад она ска-

зала: «Думай что хочешь...» Кажется, тогда он подумал совсем не то...

– Всё-таки ты пока ещё моя жена, – угрюмо произнёс он, выходя.

«Пока ещё...» Короткий временной промежуток, за которым последует «больше не...». С ненавистью глядя на таблетки, Марина выпила их одну за одной, раздирая себе горло. Ей нужно скорее поправиться. Она вдруг с пугающей отчётливостью поняла, что у неё ничего нет. Десять лет назад Ярослав привёл её к себе, десять лет назад она полностью ему доверилась, совсем не думала, что будущее может преподнести такой жестокий урок. Конечно, после развода он наверняка оставит свою квартиру им с Данилой. Но она не хочет этого. Не хочет больше ничего от него принимать...

Снова войдя в спальню, Ярослав увидел, что Марина выпила все шесть таблеток. Процедура, на которую обычно уходило полчаса, заняла ровно три минуты, ровно столько понадобилось ему, чтобы в грубой форме послать Константина далеко и надолго...

Глава 10

– Тебе с некоторых пор нравится запах табака? – спросил Ярослав с усмешкой, усаживаясь в кресло.

Марина отвернулась. Она терпеть не могла запах табака, но он подчёркивал, что рядом с ней другой мужчина. Табаком пахла её месья мужу, и она разрешала Константину курить в её присутствии в слабой попытке забыть аромат духов женщины Ярослава, который он приносил с собой после их свиданий.....

– Пожалуй, это нечестно с моей стороны задавать тебе вопросы, понимая, что ты не можешь на них ответить... – примирительно сказал Ярослав. – Я пойду поработаю. Надо мной висят ещё две срочные статьи.

Возбуждение от встречи лицом к лицу с «соперником» вылилось в разгромный отзыв о первом выступлении нового премьера театра. Перечитав наполненные ядовитым сарказмом строки, Ярослав стёр их. Написал заново, с более обтекаемыми формулировками. Сварил для Марины куриный бульон, она могла есть только жидкую пищу. И то через силу и уговоры.

Когда вошёл к ней, увидел, что она так и лежит, отвернувшись к стене. Но Ярослав сразу понял, что жена не спит. А значит, всё то время, пока он был занят, она о чём-то раздумывала.

– Я принёс бульон. Будешь?

Она повернулась, приподнялась на подушке, взяла из его рук чашку.

Он удивился:

– Даже не покапризничаешь?

Марина не ответила. С трудом глотая, выпила бульон. Отдала ему чашку и снова отвернулась.

Ярослава вдруг словно обожгло. Неужели она переживает, что он не пустил к ней Константина?.. Он неправильно истолковал её печальный вид?..

Вечером, измерив Марине температуру и увидев «всего лишь» 37,9, он с грустью подумал, что его «ночное дежурство» возле неё больше не требуется. И вечернюю порцию таблеток она выпила мужественно и быстро, почти не поморщившись. Торопится скорее выйти на работу?.. Он-то надеялся, что она проболит до начала летних каникул на курсах...

– Я оставлю твою дверь открытой, постучишь ложкой по чашке, если что-нибудь понадобится, – сказал он хмуро, прежде чем уйти «к себе».

Она кивнула, не глядя на него.

Ночью Марине захотелось пить. Ярослав не оставлял на подносе воду, чтобы она не пила холодное. Приносил ей подогретую. Теперь его не было рядом. Она не стала его будить, поднялась с кровати сама, тихо прокралась на кухню. Голова с непривычки кружилась. В первые дни болезни Яро-

слав помогал ей доходить до ванной комнаты и туалета. Она включила чайник, тот предательски зашумел. Марина забыла, что он работает так громко, скорее выключила. Но муж, привыкший спать чутко, уже проснулся. Она услышала, как он встал с дивана. Замерла в темноте, вдруг испугавшись, что он будет её «ругать». Тем более что она пришлёпала босиком, а пол на кухне был выложен плиткой без подогрева.

Ярослав заглянул в спальню, увидел, что постель пуста. Покачал головой: всё-таки решила обойтись без его помощи. Ещё и босая. Тапочки находились на своём месте. Очень удобном. Достаточно было просто сунуть в них ноги. Он пришёл на кухню. Марина стояла, обняв себя руками за плечи, в темноте, только с улицы проникал свет через прозрачный тюль. Ночная сорочка не скрывала её соблазнительных форм. Когда он несколько ночей протирали от испарины её горящее тело, в мыслях не было ничего, кроме одного – облегчить её страдания, теперь же зашумело в голове. Переждав приступ чувственного желания, Ярослав молча шагнул к ней, поднял на руки, так же молча отнёс обратно в спальню.

– Сейчас принесу тебе воды... – сказал охрипшим голосом, с трудом справляясь с охватившей его страстью. – Или хочешь чаю?

«Хочу тебя», – говорили её глаза. Или ему только казалось то, что больше всего мечтал услышать?.. Когда нёс её на руках, её сердце трепыхалось в груди. Зайчонок...

По пути на кухню Ярослав зашёл в ванную, несколько

минут стоял под ледяным душем, остужая своё возбуждённое тело. Заварил чай с мёдом. Марина приподнялась, чтобы взять из его рук чашку, бретелька сорочки сползла с её плеча, обнажив одну грудь. Марина не могла её поправить, держала чашку обеими руками. Ярослав медленно провёл ладонью по её предплечью, поправляя бретельку, задел её грудь, почувствовал, как она откликнулась на его случайное прикосновение. Ледяной душ не помог. Он взял из Марининых рук чашку, поставил на пол. Глядя в её расширившиеся зрачки, с осторожной настойчивостью опустил её на подушку. Горячая кожа под его ладонями напомнила ему, что Марина болеет, что он должен остановиться. Его стон слился с разочарованным стоном жены. Марина обняла его руками за шею, не отпуская. Она так тосковала по его объятиям, по его любви. Слёзы страха, что он сейчас пересилит себя, отстранится, готовы были пролиться из её глаз. Она крепче сомкнула руки, приподнялась навстречу, ей хотелось скорее прижаться к нему всем телом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.